

Ты бог или не бог? Конечно, изначально ты человек. Но если для более комфортного проживания в мире Древней Греции тебе было выгодно явить свою божественную сущность, то чего теряться. А потом являются всякие там люди, кони, духи и пытаются вывести тебя на чистую воду... Апостол их, дескать, попросил... Шли б они подальше!

Иногда ход истории ломается. Когда кто-то, обладая знаниями, не соответствующими эпохе, в которой он находится, объявляет себя богом. И делает мир удобнее для себя. Только для себя. Тогда кто-то должен вмешаться и все исправить. Это может быть обычный мальчишка подросток, которому помогает мать. То, что ей пришлось взять с собой в древний мир коня – так куда его денешь? То, что следом увязался дух леса Аука – так то от любопытства. А любопытной Варваре, как говорится, могут попробовать оторвать любопытный нос. Пусть попробуют, еще вопрос кто, кому и что оторвет. Греческие боги многочисленны. И все со своими тараканами в головах. Так что если подходить к заданию с умом, слушать свое сердце, то можно найти причину перекоса мироустройства. Бог вам в помощь.

Как попасть в историю

«Некоторые люди, видя вещи такими, какие они и есть, спрашивают: "Почему так?"
Я вижу вещи такими, какими они никогда не были, и спрашиваю: "Почему бы нет?"»
Бернард Шоу

Я обязан передавать то, что говорят, но верить этому не обязан.
Геродот, "История", VII, 152

Как попасть в историю.....	- 1 -
Часть 1. Митька.....	- 3 -
1. Дорога.....	- 3 -
2. Попугчик.....	- 5 -
3. Утро.....	- 7 -
4. Верхом на Луче.....	- 10 -
5. В лес.....	- 12 -
6. Пограничье.....	- 16 -
7. Прорыв.....	- 18 -
8. Дар.....	- 19 -
9. С другой стороны огня.....	- 22 -
10. Путники.....	- 23 -
11. Кто идет за мною следом.....	- 25 -
12. Олень.....	- 27 -
13. Что подарить богине?.....	- 29 -
14. Нам надо остановиться.....	- 31 -
15. Вам врач не нужен?.....	- 32 -
16. Пора навестить Цирцею.....	- 34 -
17. Давайте думать.....	- 35 -
18. Давайте действовать.....	- 37 -
19. Войско.....	- 38 -
20. Старость нужно уважать.....	- 40 -
21. Надо спешить!.....	- 41 -
22. Верните нам надежду.....	- 44 -
23. Если надежда умерла.....	- 45 -
24. Все будет хорошо.....	- 46 -
	- 1 -

25. Вперед, на Олимп.	47 -
26. Змея Аэлла.	49 -
27. Снова в путь.	52 -
28. Узник на скале.	53 -
29. Что рассказал Прометей.	54 -
30. Гера в ярости.	58 -
31. Смертельные загадки.	59 -
32. Что еще он натворил?.....	62 -
33. Капризы богов.	64 -
34. Дворец и те, кто в нем обитают.	66 -
35. В кого ты собрался ее превращать?	69 -
36. Путь в никуда.	72 -
Часть 2. Аука.	73 -
1. Теща.	73 -
2. Лель.	77 -
3. И немой заговорит...	79 -
4. Гостеприимная олива.	80 -
5. Куда делся герой?	81 -
6. Как призвать Бахуса.	84 -
7. Пан или не Пан?.....	85 -
8. Продолжение банкета.	87 -
9. Орфей.	88 -
10. Немейский лев.	90 -
11. Охота.	92 -
12. Ты пойдешь с нами.	93 -
13. Ночная дорога.	95 -
14. Кони.	96 -
15. Копье Артемиды.	98 -
16. Высокая цена.	100 -
17. Дальше – морем.	101 -
18. Кто на корабле главный.	103 -
19. Можно ли продать бога.	105 -
20. Станный остров.....	106 -
21. Минотавр.	107 -
22. Цена света.	108 -
23. Пора отправляться.	110 -
24. Буря.	111 -
25. Рынки Сидона.	112 -
26. Захват корабля.	114 -
27. Снова в море.	116 -
28. Мидас.	118 -
29. Гармония.....	120 -
30. Последствия.	122 -
31. Оракул.	123 -
32. Врата в царство мертвых.	126 -
33. Такая работа...	129 -
34. Встреча.	130 -
35. Гости.	132 -
36. Как быть с камнем.	134 -
37. Нам пора уходить.	137 -
38. Снова ты?.....	139 -
39. Дорога на запад.	142 -

40. Бой.....	- 143 -
41. Снова в огонь.....	- 146 -

Часть 1. Митька.

1. Дорога.

Сегодняшний день обещал с утра много больше хорошего, чем принес потом. На рассвете птички орала в окно про последние теплые деньки, когда глупо сидеть за партой, а можно набрать столько груздей, что потом за всю зиму не съешь и про калину, прибитую первыми заморозками. Прохладный ветерок ворвался в Митькину комнату, ероша засоне светлые волосы, и кто бы знал: как ему не хотелось вставать и идти в школу, особенно вспомнив, что сегодня, в субботу, будет история, а значит – снова война с этой злостной историчкой-истеричкой, война, которую она вела без правил и понимания разницы в возрасте.

"И что самое обидное, - думал мальчишка, возвращаясь домой, - даже по математике давно обещанную матери пятерку получил, чего уж лучше-то, но вместе с этой пятеркой придется и очередную историчкину двойку показывать..."

В-общем, день сегодня - псу под хвост. Вроде, всё начиналось так удачно, и не проспал, и не опоздал... Нет, эта училка Митьку окончательно достала. Вызывает его на каждом уроке, спрашивает по любой теме, а потом со злорадством нравоучает. Почему никого из одноклассников больше так не мытарит? Он что, звездой во лбу отмечен?! Видать, отмечен, раз именно ему стремится Лидия Петровна доказать, что по ее, то есть единственно правильному мнению, знать материал – означает выучить параграф учебника наизусть. От точки до точки. И никаких вариантов. А Митька – фантазер, человек увлекающийся. История его очень интересует, но учить наизусть... Разбираться, понимать, вникать в суть – это здорово, но зубрить учебник – увольте! Отвечая, он представляет себе древние цивилизации, повседневную жизнь в то далекое время, словно смотрит в окно незнакомого дома, по отдельным деталям угадывая: что за люди там живут, какого нрава и обычая. Нет, он не сочиняет, что в голову взбредет. Подготовка к каждому уроку – это перелопачивание гор дополнительной литературы: энциклопедий и журналов. К истории мальчишка каждый раз готовится, как к вылазке в стан врага. А, просеяв кучу информации, он уже видит историю живой и реальной... Конечно, он не может точно сказать для чего у них так или эдак все устроено. Но все эти египтяне, греки, ассирийцы – они для него живые люди, такие, как вы и я, а значит, изучая историю нельзя отделаться сухими словами, что в таком-то году то или это произошло, вопрос – почему, и что было бы, сложись все иначе. А как могла б тогда повернуться жизнь? "Да как угодно!" – взрывается предположениями Митькина фантазия и, начав говорить, он уже не обращает внимания на багровеющее от ярости лицо Лидии Петровны, чем доводит ее до белого каления. Мальчишка начинает расписывать все живо и красочно, словно сам рука об руку с фараонами принимал решение где ставить пирамиды и подсказывал Хаммурапи какие законы нужны стране. Класс замирает в ожидании очередного взрыва, и он не заставляет себя долго ждать. Лидия Петровна носится по классу как разъяренный диван, поднимая ветер и наводя оторопь на учеников. А те, прижатые ее турбулентными потоками, сидят, затаившись, словно мыши, пережидают "праведный гнев". Пять минут пронзительного крика, и Митька отправляется либо на место с двойкой, либо в случае особо смелых предположений – к директору. Ну, не нравится ей, что у человека свой взгляд может быть! Когда ситуация разрешается тем или иным образом, класс выдыхает с облегчением, и жизнь продолжается своим чередом. Чего она добивается? Зачем таскает пацана к завучу, выставляет на школьной линейке как самого нерадивого? Митька не обижается на нее,

порой, даже жалеет. Мать говорит: тяжело жить, когда каждый день насыщен таким лютым гневом. А учительница от урока к уроку наполняется яростью, как клоп кровью... Ждет, что и Митька начнет ее так же ненавидеть, как она его? Но он так не умеет... Лидия Петровна считает: знать материал урока нужно дословно, все личные измышления - недопустимы. Да кто знает, что учебники не переписут завтра, ведь так бывало уже не раз. Вот сегодня Митька это и сказал. А Лидия Петровна стала кричать, что если учебники переписут, то будем учить другие, а пока эти на руках, то они и есть догма. В-общем, обычное для школы дело. Учителю не нравится ученик, а значит, и все, что он говорит. Жаль только, что от этого страдает такой чудесный предмет, как история. Она в Митькиных фантазиях совершенно иная...

...Мальчик шёл по разбитой лесной дороге, ведущей в запустелую маленькую деревеньку. Небо висело над головой, как низкий потолок, придавливая все вокруг серой тяжестью туч, безнадежно-неприветливое. Острая водяная пыль, висящая в воздухе, стегала по щекам, гонимая порывами ветра, со злобным отчаяньем от потери уходящего бабьего лета. Ветер рвал красные листья с осин, размахивал колючими ветками елей, угрожая хмурым небесам, словно это могло хоть что-то изменить, вернуть, удержать, повернуть время вспять. А небо мрачнело в ответ, обещая только снежную кашу вместо нежного грибного дождика. Дорога вилась меж векового леса, чавкала под ногами лужами и выглядела, будто по ней не ездили со времён Второй мировой. А может, и с первой. Дыр в асфальте стало уже много больше, чем осталось самого асфальта, он выглядел как река в ледоход: то там льдина, то здесь... "Если б тут машины ездили, так может, и наладили бы дорогу, - думал Митька, - но кто ее ремонтировать станет, если единственная машина в деревне - у дачника, а остальной народ как в Древней Руси телегами обходится" Оно и понятно, Покровка пустеет, кому ездить-то? Она такая же, как и сотни подобных деревень, разбросанных по России: люди уезжают, стягиваясь к городам, бросая землю и дома. Запустение все более заполняет собой такие глухие уголки. Уже и школу в райцентре перенесли, даже магазина больше нет.

Митька брёл, пиная шишки, упавшие на останки асфальта. Смолистый тугой запах, подстегнутый первым ощутимым морозцем, не впечатлял мальчишку, как, собственно, и прибитая инеем трава, которой ветер оглаживал дорогу. Нет красоты без сравнения, это всего лишь привычный, обыденный мир. Как жители городов порою не обращают внимания на суету и давку повседневности, так и деревенские жители не знают о великолепии, что окружает их ежеминутно. Разве обращаешь внимание на то, что у тебя две руки, две ноги..?

Мальчишка, что брел по дороге, был достаточно высок, худощав, но с широкими плечами человека, привыкшего к труду с раннего детства. Взгляд его, ясный и открытый, сейчас будто углубился в себя, не интересуясь окрестностями. Ветер трепал волосы, имевшие редкий оттенок литого старого серебра. Старенькие потертые джинсы были им самолично чисто выстираны, а великоватая кожаная куртка начищена до блеска. Рюкзак на плече явно видел уже не один учебный год. Мальчик шел, глубоко задумавшись и шевеля губами. Он часто разговаривал сам с собой, даже спорил, порой доходя до внутреннего крика. Но сейчас это была мирная беседа о непонимании. Сегодня они с учительницей сцепились на тему богов древнего мира. Лидия Петровна ни за что не соглашалась с Митькиной версией, что боги древних религий - реально существовавшие люди. А Митьке казалось, что такая стройная система мифов обязательно должна иметь какое-то естественное объяснение, а не такой примитив, как «чего боялись, в то и верили». Увлечшись этим вымышленным диспутом, он совершенно не смотрел по сторонам. Все равно, встретить кого-нибудь незнакомого на этой дороге - один шанс на миллион. Но, похоже, сейчас именно этот шанс Митьке и выпал: кто-то шел с ним рядом, но не по дороге, а вровень - по измученной осенью и ветром траве.

2. Попутчик.

Митька вгляделся: старик шел ровным шагом бывалого лесовика, размашистым и бесшумным. Откуда он взялся-то? Здесь и жилья то рядом нет, трасса – там, за райцентром. И на дачника не похож, и на туриста тоже. Да и погода не та, ни для туристов, ни для дачников. Разве что заблудился... Но дед шел уверенно, не крутя растерянно головой, как делают потерявшиеся люди, а только искоса поглядывая на мальчишку, словно ожидая что тот заведет разговор.

- Дедушка, - неожиданно для себя обратился к незнакомцу Митька, - там, впереди, развилка будет. Так ты направо иди. Налево – Михеево, оно уже совсем пустое.

- Чтож пустое то? – в глазах деда играла смешинка.

- А, жили в том годе старики Ниловы, так в город перебрались, к детям. Никого и не осталось. Домишки еще стоят, но в них – пусто.

- Ну, спасибо. Учту. А сам-то откуда идёшь? Голову повесил, надулся, как хомяк... – хмыкнул дед.

- Так со школы, домой. Я с Покровки, а боле ничего на этой дороге нет. Пойдём со мной, веселее вместе-то.

Дед неожиданно легко взбежал на насыпь и пошёл рядом с мальчиком. Ход у него был уверенный, широкий. «Как у мамкиного иноходца» - пришло в голову неожиданное сравнение, - «так, наверно, полстраны пройти можно... Или даже всю». Митька с уважением посмотрел на старика и даже невольно залюбовался им. Дед был высок, даже как-то неестественно высок, метра два росту. Косая сажень в плечах, он выглядел как Илья Муромец с картины Репина, только без лошади и кольчуги. А так... такая же окладистая борода, только совсем седая. Морщины изрезали сетью все лицо, но особенно много их скопилось в уголках глаз – дед, видно, легок, отзывчив на улыбку. На нем была брезентовая ветровка поверх свитера простой крупной вязки, темно-серые штаны заправлены в кирзовые сапоги. Длинные густые волосы по-монашески гладко стянуты веревочкой в хвост. На плече висела сумка из некрашеной сыромятной кожи на широком ремне, который потрескался по краям, то ли от времени, то ли от тяжести ноши.

- К кому идёте-то? – полюбопытствовал Митька.

- К тебе. Ты ж позвал - улыбнулся старик.

- Я звал? – воскликнул мальчик.

- Ну да. «Пойдём со мной» – кто сказал? Вот я и иду, – кивнул дед.

- Так я думал – до деревни вместе, а там – провожу куда надо, и домой. – растерялся мальчишка.

- Ну не хочешь – как хочешь. Не напрашиваюсь. – повел плечом дед, то ли отменяя возникшее непонимание, то ли просто разминая затекшие мышцы. Митька посмотрел на это едва заметное движение и понял: старик очень устал, хочет сбросить суму, сесть, отдохнуть... Так бывает, присядешь ненадолго, а потом опять сил столько, что горы свернешь.

- Да я не отказываюсь, если б только моя воля – так гости хошь сколько, вопрос - что мать скажет... - шмыгнул носом мальчишка. - Вдвоём ведь мы с ней...

...Когда они подошли к деревне, уже смеркалось, и в окнах там и тут затеплились первые огоньки. Тянуло запахом горелых берёзовых дров и прелой листвы. Собаки затаивали было и бросились навстречу идущим, но, обнюхав ноги деда, завили хвостами и тихо разбрелись.

- Зябко, - поёжился Митька – Айда шибче, дома печку затопим.

- Ну, шибче так шибче – кивнул старик и так прибавил шаг, что мальчишка уже трусцой нёсся за ним.

- Ну, молодежь, чего отстаешь? – хохотнул дед.

Он безошибочно повернул к большой крепкой избе, стоящей первой по порядку домов. Окна в доме были темны, калитка прикрыта. Старик остановился в воротах. Митька с разгону сунулся носом ему в спину.

- Правильно, наш дом. Чего встал-то?

- Ишь ты, торопкий какой... Торопился гусь, пока в щи не попал.

Дед сторожко, как охотник, осмотрелся и, кажется, даже воздух обнюхал. Мальчик невольно последовал его примеру. Он оглядел родной дом цепким взглядом, словно после долгого отсутствия, но вроде ничего нового и неожиданного не было. Дом Митьки первым встречал свернувшего с дороги путника. Он стоял на взгорке, словно часовой, сверху осматривая всю деревню. Покровка тянулась вдоль одной главной улицы. Там, далеко, в подползавшей темноте, эта улица упиралась в лес. Небо еще пыталось изливаться на землю кровавые отблески ушедшего за горизонт солнца, но ночь расплзалась широкими тенями и отвоевывала у света все больше и больше пространства.

Пахло гарью – соседи жгли палую листву, травой, ударенной морозом. Прелыми досками, которыми был выстлан двор и непонятно почему, мокрой собачьей шерстью. Всё было как обычно. Ветер раскачивал ветки малины, и они, прибитые инеем, колотились о железный бак, перестукиваясь, как зубы от холода. Материны рабочие сапоги стояли у завалинки, значит, приходила и ушла опять. Где ж она замешкалась?

- Заходи, дед. Матери нет пока. Но мы сами щас чё-нибудь на ужин сообразим.

Они разулись и зашли в сени. Ночь быстро набирала власть над миром. Она стирала привычные образы обычных вещей, превращая их в незнакомых сказочных чудовищ. В доме смутно угадывались силуэты предметов, неведомых и непонятных. Вот дракон, притаившийся в углу... Нет, это кровать под покрывалом. Вот летучая мышь, большая, как собака... Страхи можно взращивать сколько угодно, но все они пропадают, расстрелянные щелчком выключателя. Щелк - и все неведомые чудища растворяются под жёлтым светом лампы.

Матери нет, но ужин готов. На столе кастрюлька под полотенцем и пахнет-е-ет...

Картошка с укропом и постным маслом. А рядом – свежий хлеб под полотенцем. Горячий еще, точно мама недавно ушла, да и кастрюля еще теплая.

В груди у Митьки что-то тревожно ёкнуло. Он неуверенно посмотрел на старика и нарочито громко и твердо повторил: «Она скоро придёт!».

Будто отвечая на его слова, скрипнуло крыльцо, слышались шаги и в дом словно ветер ворвался. Мать вошла, стремительная, порывистая, и Митьке сразу стало спокойнее.

Надежда была женщиной высокой, движенья её были резкими и отчетливыми, а голову она держала и вовсе по-особенному. По царски как-то. Митька, смеясь, говорил, что если на мамку надеть корону, то по её вине она не свалится, её можно будет уже только палкой сбить. Но палкой... она будет против.

Старик стоял и смотрел в окно на тёмную улицу.

- Здравствуй, Надежда.

Мать на мгновение будто споткнулась на ходу, но тут же взяла себя в руки.

- Здравствуй и ты. – темные брови едва заметно приподнялись в недоумении.

- Гостей-то привечаешь?

- Пришёл уже, гостевой. Сначала входишь, а потом уж интересуешься – можно ль... - усмехнулась Надежда.

- Мам, а вы друг друга знаете что ли? – любопытство рвало Митьку на части.

- Нет, Митюнь... - ответила Надежда.

- А ты, дед, откуда знаешь, что мать Надеждой звать?

- Ты сказал. – улыбнулся дед.

- Я не говорил! - запротестовал Митька.

- Говорил, говорил. Внимательно следи, что под нос шепчешь. - весёлые бесенята столпились у деда в уголках глаз.

- Дед, вот как мамку зовут, ты говоришь, с губ прочел, а тебя самого-то как величать? Мы-то с губ не читаем...
- Петром.
- Просто Петром? – уточнил Митька. - А отчество?
- Отчество... Ладно без отчества. Все мы дети божьи...

Старик сел на лавку напротив окна и с видимым удовольствием осмотрел комнату. Убранство ее было весьма незамысловато: в центре, под шелковым желтым абажуром с кистями, стоял круглый стол, покрытый белой, как снег, вязаной скатертью. В левом углу комнаты - пузатый рыжий комод, ему в обед сто лет, а над ним - большие часы с маятником и боем. В правом углу комнаты стояла кровать, величественная, как корвет под всеми парусами. Подушки на ней громоздились такой высокой горой, в таких белых накрахмаленных накидках, что морская пена отступила бы, пристыженная сравнением не в свою пользу. Это гостевая кровать, на которой обычно никто не спал. У Митьки была своя маленькая комната за кухней, а у Надежды – большая спальня, у входа в дом. Мать предлагала Митьке уступить свою комнату, но она уходила раньше, и Митька, любитель поспать, конечно, отказался.

Пол из широких надежных досок был выкрашен светло-коричневой краской. Такой же краской были выкрашены лавка и табуретки, заменявшие в их скромном жилище стулья и кресла. В общем, обычная деревенская комната.

Митька накрыл ужин на кухне и пригласил остальных. Ели молча, не торопясь. После дня, проведенного в школе, Митька был голодный как волчонок. Но взрослые едят степенно и он, невольно подражая, уже не запихивал за обе щеки по картофелине. Постепенно голод проходил, и наваливалась сонливость. Дед с матерью разговаривали, и ритм слов потихоньку укачивал Митьку как мерное постукивание колес поезда. Чтоб не уснуть прямо за столом, он встал и тихо ушёл к себе.

- ...вот так и хожу по свету.
- А не надоедает? Дом свой никогда не хотелось завести? – тихо поинтересовалась Надежда.
- У каждого своя судьба, кому дом, кому - дорога...

3. Утро.

...Ясное воскресное утро пощекотало мальчишке веки солнечными лучами. Митька проснулся и выскочил во двор в одних трусах и калошах на босу ногу. Было как-то по особенному свежо и совсем не холодно. Митька потянулся и пошел умываться. В баке с водой плавали утонувшие ночные бабочки и стрекоза, которая ещё шевелилась. Митька подцепил её ладошкой и посадил на ветку малины. Та, пьяно покачиваясь, чуть отползла и замерла, суша потрепанные крылья.

На душе у мальчишки стало почему-то так светло и радостно, что захотелось петь. Он прокашлялся и забубнил под нос любимый мотив. Вдруг мелодию перебил голос крыльца:

- Разгонялся-то на рубль, а всей песни на копеечку. А ну, давай вместе.
- И дед запел. Митька слушал, забыв закрыть рот. Голос мощный, широкий, лился как могучая река:
- Ревела буря, дождь шумел,
 Во мраке молнии блистали,
 И беспрерывно гром гремел,
 И ветры в дебрях бушевали...

- И не пой пустых, бессмысленных песен. Да и вообще, соловья-то ... баснями... Завтракать пошли!

Матери уже опять не было. Увидев, что старик недоумённо взглянул на её спальню, Митя заторопился объяснить.

- Здесь в деревне дача есть. Одна – разьединственная, правда, но хозяин богатый. Дворец такой отгрохал, возле него конюшню. Сам бывает два-три раза в год по паре недель, а чтоб дом не зорили, да и за конями смотреть – мать нанял. Она бы и не пошла на это, характерец уж больно у этого хмыря не подарок, но... Есть у нее в той работе свой интерес. Конягу он откуда-то приволок. Когда его из трейлера выводили, Луч чуть не поубивал всех. А ведь он тогда совсем еще стригунок был. Конюхи повисли на веревках, а он их по двору, волоком! Силен, зверюга! Думали, вообще никто не сможет с ним справиться. А ведь надо его осмотреть с дороги, да и просто оседлать. А как его оседлаешь, бешеного такого? Мужики маялись с ним, маялись, а потом отступились. Сказали хозяину: мол, сам приволок беса, так сам с ним и управляйся. Да где ему самому! Он и приблизиться-то к Лучу боялся. А мать подошла к дикарю, конь тихий враз сделался, как котенок. Словно ее и ждал. Стоит, кивает. Не жеребец – ангел. Если б я сам не видал, как этот ангелок мужиков на поводе таскал, ни в жисть бы не поверил. Она его осмотрела, оседлала, пару кругов по двору проехала верхами чтоб показать, что конь послушный. Но хозяин его объездить так и не смог. Мало того, этот бес в стойло только мамку и выпускает. Если кто другой сунется, он лягнуть норовит. У него копыто – с супнюю тарелку, он там все доски вмиг раскрошил. По-первой думали, пройдет это. С дороги устал, напугали, или еще чего. Но время шло, а характер у Луча только портился. Он барыгу-то, хозяина, как через забор увидит, так давай стойло крушить. Его и миром, и лаской, и палкой, и голодом... Нет, бесполезно. Чем чаще конь хозяина видит, тем больше стерженеет. Барыга даже дрессировщика-профессионала приглашал. Из самой Москвы! Мать посмотрела, как они вокруг жеребчика прыгают, так сразу им сказала, что не выйдет ничего. Короче, уговорились они - три года она на этого барины работает, за конями и домом глядит. Тогда он отдаст ей Луча.

- А чего ты его ласково-то так, барыгой зовешь?

- Да не заслужил он иначе. Местных нанимал, пока дом строил, так половину народа без платы оставил. А когда люди к нему за деньгами сунулись, то он еще и посмеялся над ними: работа, мол, дураков любит.

- И давно мать у него работает?

- Да вот как раз и выходят сроки. А хозяин не едет всё. Ей бы дела сдать, не бросишь ведь коников без призору, не один же Луч у нее на хозяйстве.

- А ну как оставит ее с носом, как тех, кому уже не заплатил?

- К чему, деда? Он же ей отдаст то, чем самому не воспользоваться. Он Луча даже продать не сможет. Его не увезти теперь, он заматерел за эти годы, силой уже и вовсе не взять.

- Она туда ушла?

- Понятно, туда. Подруг у неё нету, а по знакомым с такой рани не бегают.

- А че у нее с подругами не ладится?

- Чем бабы занимаются? – хмыкнул Митька, - Кости друг другу перемывают. А мамка этого не делает и при себе не допускает. Кто же с ней дружить-то окромя меня да Луча будет?

Старик задумчиво хмурился, почёсывая огромной пятернёй бороду. Митька шмыгнул на кухню. Вчерашних картох в кастрюле оставалось две, на завтрак всем ясно-понятно не хватит. Быстренько поставив вариться кашу, он вышел на огород нарвать луку. И тут услышал грохот копыт по доскам во дворе. Понятно, Лучик, топают, как солдат на плацу. Остальные коники ходят как-то тише, скромнее, что-ли.

- Мамка приехала! – заорал он и бросился во двор.

Под матерью плясал громадный вороной конь с ненормально длинной белой гривой и таким же удивительным хвостом. Если б не изящество каждой линии могучего тела, можно было б предположить, что он из породы тяжеловозов. Но Луч больше походил на

орловского рысака – переростка. «Какой красивый!!!» - наверное, никто из впервые увидевших это животное не удержался бы от такого восклицания. Но сейчас было что-то не так. По атласной шкуре рябь пробегала волна за волной. Шею конь свивал в дугу так, что морда утыкалась в грудь. Мелко перебирая ногами на месте, он будто пытался уйти от чего-то неведомого, страшного. И тут конь...лёт.

Мать взвыла, ловко как кошка спрыгивая с заваливающегося набок жеребца, и слепо бросилась в дом. Петр, наблюдавший за ними с крыльца, уже понял, что не все ладно и шагнул навстречу. Мать слепо ткнулась в широкую грудь и закрыла лицо руками. Он обошёл её, сжавшуюся, будто смятую горем, и подошёл к конику. Тот тяжело дышал, и всё перебирал ногами.

- Митька, - заорал дед хрипло – сумку мою, с которой пришёл, тащи, быстро!!! Надежда, воду ставь! Да в мелких посудинах, чтоб закипела живей.

Кожаная сумка на широком ремне рвала руки невиданной тяжестью, хлопала мальчишку по ногам. Ремень, потертый, потрескивал кое-где, того гляди - совсем лопнет. Да будь сума набита золотом под завязку, наверно, меньше бы весила.

- На. Ещё чего помогать?

- Полотенце тащи, ступку и чашку пустую. Если отвар не поможет, кровь пускать придется... Хотя по всему – должен помочь. Признаки уж больно явственные. Жди пока. Да где ты там, Надежда?! Уснула? – гневно крикнул дед. - Воду, шибче, сдохнет же животное!!!

Мать появилась в дверях с дымящей паром чашкой. Мальчишка смотрел, как кипяток плескал на руки, а она даже полотенцем не прихватила. «Опухнут руки», - подумал Митька. Возникло странное ощущение, словно течение времени замедлилось вокруг, и только здесь, на этом пятачке, где люди и лошадь, все шло своим чередом. Митька поднял камешек и из любопытства подкинул его в воздух. Некоторое время камень вёл себя как обычно, и послушно летел вверх, но, когда пришёл черёд повернуть к земле, покачнулся и замер. Эта картина не для слабонервных Митьку почему-то не удивила. Скорее, занимали собственные реакции – спокойная уверенность, что все так и должно быть. Словно каждый день Митька только и видел, что висящие в небе камни. Дед тем временем тёр в чашку траву, что вынул из принесенной сумки, сыпал туда же из мешочка черный порошок и гудел что-то непонятное. Звуки, низкие, утробные, от которых волосы на руках поднимаются дыбом, как от мороза, складывались не в песню, а будто в танец. Как человечки на стене пещеры, то вздымали руки к небесам, то сгибались до самой земли. Вода в чашке становилась вязкой и вот, под всё повышающееся гудение, дед задрал коню морду и стал лить в нее варево. Глаза коня тихо закрылись, рябь по шкуре унялась. Надежда тихо всхлипнула:

- Всё?

- Да, всё. Спит он, вымотался. – устало ответил Петр.

- А жить будет? – Надежда смотрела на него умоляюще.

- Ещё бы! Такое отравление победить, а потом сдохнуть?! Ну уж нет, не дождутся.

- Отравили... Но кто? Он же ест, только когда я рядом бываю, я чё и бежала туда с утра...

- Не в еде был яд. Гляди, вот на бедре полоса, как жиром мазанули. А весь чистый, холишь видать. Есть, Надь, яды разные, разной силы, разного действия. Какие сердце отключают, какие паралич на тело наводят, а некоторые так легкие сдавят, что человек там или зверь задыхается и умирает. Есть те, которые опасны, когда их съешь, есть контактные – как этот. Такие яды через кожу впитываются. Да много этой дряни, порой знать стоит, чтоб защищаться, а порой думаешь – не знаешь, так и лучше. Спокойнее, что ли...

Контактных ядов здесь мало. Их в Африке больше, и не только растительных. На некоторых лягушках слизь такая, на ящерицах. А ты, Мить, сотри полосу полотенцем мокрым. Аккуратно, смотри чтоб на руки не попало! А полотенце – в печку брось, да не в

доме, в бане сожги отраву. Вот и думай, Надежда, у кого в глухой деревне есть африканский яд.

- Значит, здесь этот змей. – нахмурилась Надежда.

- Мож не сам, мож послал кого. – пожал плечами Петр.

- Да, приехал недавно мужик один, сказал, дачник нанял камин переложить. Ну, нанял – так делай свою работу, а приезжий-то и не начинает. Каждый день приступаю к нему: когда-когда. Таскается везде, нос свой сует. Неприятный тип, скользкий такой. Посмотрит – помыться хочется. – поморщилась Надежда. – В лес зачастил. Зачем – не пойму. Ни грибов, ни трав оттуда не несет. Я ему говорю – какой лес, работа стоит.

- В лес?! - брови деда поползли вверх.

- Ой, каша–то! – вспомнил Митька и тут же получил камешком по спине – Упал. А почему висел?

- Иди, выключай. А то завтракать углями будем. – засмеялся дед.

Митька задумчиво уставился на лук, зажатый в кулаке, на камень, валявшийся у ног. «Ну, ладно. Потом расспрошу». И побежал на кухню.

4. Верхом на Луче.

Митька всегда кашеварил с большим удовольствием. Он любил расспрашивать мамку о всяких съедобных и лечебных травах, а потом устроить внезапный кулинарный сюрприз. Он умел сделать салат из одуванчиков и лебеды, пирог из ревеня, суп из крапивы... Знал, как приготовить муку из корней рогоза... Пучки травы, которую он приносил из леса, гирляндами висели в сенях. Потому дом их смотрелся как жилище Бабы- Яги, или ведьмы – колдуньи. Зимой заваришь из травок чай, дом запахнет летом и солнцем. Но сегодня Митька готовил чисто механически, из мыслей никак не шел камень, висящий в воздухе, сотни вопросов роились в голове, готовясь вырваться и обрушиться на деда.

Мать обедала беспокойно, поминутно подбегая к окну и поглядывая на больного, но вскоре конь встал и сначала сторожко прислушиваясь к ощущениям, а потом и вовсе уверенно и бойко стал таскаться по двору, ища чем заняться или чего нашкодить. К вечеру Луч был уже совсем здоров, даже следов утренней беды на нем не было видно. Он бродил по двору, баловался, пиная копытами старое ведро. Оно прыгало по серым доскам, выстилавшими двор, и гремело. Дааа, деликатностью Луч не отличался... Ни одна лошадь на свете не производила столько шума. Митька вышел во двор и, выбросив мятое ведро за забор, кинул коню свой старый мяч. Лучик по-собачьи повертел головой, разглядывая новую игрушку. Осторожно катнул мяч тычком копыта. Мяч отлетел, звонко стукнулся о ворота и прикатился обратно. Что тут началось! Восторгу Луча не было границ. Он задрал свой шикарный хвост и начал подбрасывать то передние, то задние ноги. Митька, подойдя ближе, опять дал пас коню под копыта. А он, будто ждал, сразу выбросил ногу вперед и мяч метким ударом отправился в ворота. «Класс! Теперь у меня есть партнер для футбола!» - подумал мальчишка.

Конь стоял, кивая головой, будто соглашался с ним. И тут шальная мысль родилась в Митькиной голове. Ведь никто, кроме мамки на Луче так и не сидел... А если попробовать договориться? Ведь он понятливый, вон как с футболом ловко у него выходит, получше, пожалуй, чем у иных спортсменов! Поднявшись на самый краешек высокого крыльца, стал тихо звать конягу:

- Лучик, иди ко мне... Хороший...

Конь осторожно посмотрел на Митьку, потом на мячик... На его красивой выразительной морде явно читалось: «Давай поиграем еще!». Но Митька настаивал:

- Лучик, иди сюда!

Конь снова в раздумьях поглядел на мальчика... Зовёт. Он сделал несколько шагов к крыльцу, потом резко, по-жеребьячи, отпрыгнул. Конь-то он был взрослый, но детство, похоже, решило навсегда задержаться в этом красавце. Шаг, ещё. Вот он уже стоит перед